

ПРОТОИЕРЕЙ МИХАИЛ РЕЗИН

Война Мир

Михаил Резин

Война миров. Сборник историй

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70601287

Война миров:

ISBN 978-5-00127-462-9

Аннотация

«Диавол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей», – писал Ф.М. Достоевский. И в этой фразе суть истории человечества, да и каждого человека в отдельности. Это война миров. Битва, которую ведёт Россия с коллективным Западом, есть битва за человеческую цивилизацию, за Образ Божий в человеке. Россия – последняя преграда «сыну погибели», приход которого готовят силы ада. И поэтому России вынесен приговор и обжалованию не подлежит. Ф.И. Тютчев словно о нашем времени писал в далеком 1854 году: «О, в этом испытанье строгом, // В последней, роковой борьбе, // Не измени же ты себе // И оправдайся перед Богом...»

Содержание

На обочине	5
Война миров	11
Семена чертополоха	19
Медицина катастроф	26
Мишень	35
У бога мелочей не бывает!	50
Суть рождества	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Михаил Резин

Война миров

*Избрали новых богов, оттого война у ворот
Суд. 15, 8.*

*«Эта война имеет не только экономический,
геополитический, но прежде всего метафизический
характер».*

*Из проповеди патриарха Кирилла на Прощёное
воскресенье 2022 г.*

© Резин М., текст, 2023

© Издательство Сибирская Благовонница, оформление,
2023

На обочине

Выхожу из храма. Отслужил молебен о наших воинах, который мы ежедневно совершаем после Божественной литургии. Возле ворот резко останавливается красная «Лада».

«Отец, а я тебя как раз ищу!»

Из машины выбирается грузный отец Вениамин, старейшей священник нашего благочиния.

«Есть не совсем обычная просьба, удели минутку!»

И хотя у меня были другие планы, отказать отцу Вениамину не могу.

«Давай-ка отойдем! Вон туда на скамейку, в тенок. Ты, отец, у нас писатель. Опиши этот случай в назидание другим. Вчера проезжаю село. В машине я и еще трое священников, учились в семинарии. Проездом в наших краях, подхватил их с вокзала. Разговариваем, шутим, вспоминаем былое. На обочине стоит человек. Поднял руку, голосует. Теплый летний вечер, добрый ветерок в окно. В голове: тормознуть? подобрать? Есть еще одно место в машине. И тут же противоположная мысль: «При нём уже не поговоришь свободно». Да и лето, тепло, и прогуляться можно. И груз у него небольшой, котомка у ног. Проехал, не взял. А он смотрел с обочины на меня спокойно и бестревожно. Смотрел, словно знал меня давно и ждал, что съеду на обочину, приторможу и спрошу: «Куда?» В машине, повторяю, место еще было. И

отцы бы не осудили меня. Но я проехал, и никто не сделал замечания, никто словно и не заметил человека на обочине. Вечерок посидели с отцами, выпили немного, приятно расслабились. Потом вызвал такси и отправил их снова на вокзал.

А ночью проснулся от жара в груди и с отчетливой мыслью: на обочине был Христос! Этот взгляд невозможно перепутать с взглядом другого. Он ждал помощи, благодарил за помощь и одновременно прощал, зная наперёд, что помощи не будет.

Я встал в полной темноте на колени и простоял так до рассвета – пока у соседей не запели петухи, пока лики икон не просветлели. В голове гудела навязчивая мысль: поехать туда, где Он стоял, умолять о прощении. И поехал в синих еще рассветных сумерках. Естественно, на обочине никого не было. Я вышел, внимательно осмотрел место, где Он стоял, надеясь найти след, какой-то знак, какой-то указатель, узнать, как мне жить дальше. Ничего!

А ведь послушай, отец, какую сильную проповедь я сказал накануне, в воскресный день! С неделю назад ко мне приезжал благодетель, крупный предприниматель. Благодаря его помощи и церковь отремонтировал, и утварь новую закупил буквально за год. Угостил его, чаем напоил в трапезной, вышел провожать.

У него черный «Лексус». Берет благословение, идет к машине. Замечаю, что на правом крыле вмятина, которая пор-

тит всё великолепие. «Откуда у тебя это, Аркадий?» – Он идет к вмятине и задумчиво гладит ее.

«У вас есть несколько минут, отец Вениамин? Случай незаурядный. Может, поучение какое по этому поводу скажете пастве. Недели две назад поехал в Москву по делам. Проезжаю Владимир – ремонт дороги, указатель на объезд по проселку. Грунтовка. Пыль, теснота, фуры тянутся одна за другой. Не разгонишься. Смотрю, на обочине пацанишка стоит, отчаянно так машет. «Нет, – думаю, – не до тебя! Кто-нибудь другой пусть подсадит». Проезжаю, и тут он как зафигачит мне камнем по машине! Резко торможу, выскакиваю и от всей души отвешиваю «леща» ему по физиономии. Он кубарем в пыль. Встает, нос зажимает, чтоб кровь не слишком хлестала. Так мне погано стало на душе! Христианин хре новый! А парнишка слёзы размазывает по грязному лицу:

«Дяденька, простите! У меня сестрёнка с коляской вон там внизу. Не удержал, фуры испугался, она почти вплотную проехала».

Даю ему носовой платок. Подхожу к краю обочины, кювет глубокий, весь в пыльных лопухах и крапиве. Внизу детская коляска, а рядом девчушка лет двух-трех в репьях и пыли. Плачет навзрыд. Спускаюсь и с большим трудом выбираюсь с ней наверх.

«Стой здесь возле брата!»

А сам за коляской. Коляску вытащил. Смотрю на себя:

мама дорогая! Где-то надо приводить себя в порядок. Стал спрашивать у мальчишки, каким образом они оказались одни на проезжей дороге. Оказывается, сами они из райцентра, что километрах в пяти, лето жили у бабушки в деревне, а тут мать позвонила, что отец с войны заглянул ненадолго и завтра они с ним приедут к ним в деревню. До завтра – целая вечность! Разве можно её переждать?! Сажает сестренку в коляску – дело привычное – и в путь! Обычно дорога практически пустая, а тут из-за ремонта по ней сделали объезд. Машины идут сплошным потоком, особенно тяжелогрузы с прицепами. Испугался в какой-то момент мальчишка, вильнул коляской в сторону и не удержал её, та и свалилась в глубокий кювет. И сколько он ни кричал, ни махал рукой, никто не остановился. Тогда и взял камень.

Посадил их на заднее сиденье, коляску кинул в багажник. Доехали до райцентра, нашли дом родителей. Калитку открыл высокий крепкий парень в тельняшке, отец малышей. Подхватывает на руки девочку, смотрит то на меня, то на сына с расквашенным носом. Взгляд не предвещает ничего хорошего. Рассказываю о случившемся, прошу прощения за оплеуху и разбитый нос. Он переводит глаза на мой костюм в репьях и грязи, потом на вмятину на крыле и протягивает руку:

«Спасибо, брат! Другой вообще изуродовал бы мальчика и оставил бы на обочине. Сколько я должен за повреждение?»

«Нисколько! Это я еще должен вам за хороший урок. На

какой счёт я могу перевести вам денежку?»

Беру телефон. Он непонимающе смотрит на меня.

«Вы это о чем? Какой счёт? Какие деньги?»

Я вижу, что своей настойчивостью только обижу его, и говорю:

«Хорошо, оставим это. Тогда мне бы привести себя в порядок, умыться, почистить одежду».

Он молча распахивает калитку, показывает на крыльцо. Уже в комнате подает банный халат. Пока принимаю душ, молчаливая строгая жена приводит в порядок мой костюм.

«Поужинаете?» – спрашивает хозяин.

«Спасибо! И так задержался! Вот моя визитка, звоните, если что. Не волшебник, но кое-что могу. – Протягиваю руку: – «Аркадий!»

«Петр.»

Поворачиваюсь к малышу. Он тоже подает руку:

«Павел.»

Нос распух, но рот счастливо улыбается.

Еду по ночной трассе, хлюпаю носом, благодарю Бога и даю зарок смотреть на обочину, и для памяти не менять крыло с вмятиной».

«Вот такую историю мне поведал Аркадий, – говорит отец Вениамин. – А я ее на воскресной проповеди громогласно всем доложил, от себя добавил, как внимательны должны мы быть к происходящему вокруг, где столько горя, нужды и скорби. Храм стоял в полной тишине и заморожено слушал

меня. А я сам буквально через день проехал мимо Христа и глазом не моргнул. – Отец Вениамин сильно хлопает себя по колену. – Впрочем, отец Михаил, у меня не только этот рассказ, а большая просьба к тебе. У сына вот взял битую. Возьми её, она в салоне, и тресни как следует по переднему крылу. Хочу, чтоб как у Аркадия метка осталась, у самого рука не поднимается».

Смотрю на него и не пойму: шутит или всерьёз...

«Отец, мы же не в детском саду! Ты и так не забудешь этот случай. Не буду этого делать».

Он с горечью в глазах смотрит на меня, встаёт, чтобы попрощаться, но тут раздается треск, большая ветка берёзы при полном безветрии падает на багажник его «Лады».

Он смотрит на меня, я – на него. Потом он хватается за мою руку:

«Спасибо тебе, отец! Спасибо Тебе, Господи!»

Подбегает к машине, на багажнике заметный след от упавшей ветки. Садится за руль, смеется, машет мне и трогается.

«Мне-то за что спасибо?» – говорю я, поднимая увесистую сухую ветку и крепко втыкаю у белой стены просвирни, чтобы издали было видно.

Война миров

В последнюю неделю перед Великим постом, когда небо над Украиной уже чертили снаряды и ракеты, дым пожаров заслонял солнце, в храмах читался пророк Иоиль.

Но и ныне еще говорит Господь: обратитесь ко Мне всем сердцем своим в посте, плаче и рыдании. Раздирайте сердца ваши, а не одежды ваши, и обратитесь к Господу Богу вашему; ибо Он благ и милосерд, долготерпелив и многомилостив и сожалеет о бедствии. Кто знает, не сжалятся ли Он и не оставит ли благословения, хлебного приношения и возлияния Господу Богу вашему? Вострубите трубою на Сионе, назначьте пост и объявите торжественное собрание. Соберите народ, созовите собрание, пригласите старцев, соберите отроков и грудных младенцев; пусть выйдет жених из чертога своего и невеста из своей горницы. Между притвором и жертвенником да плачут священники, служители Господни, и говорят: «Пощади, Господи, народ Твой, не предай наследия Твоего на поругание, чтобы не издевались над ним народы; для чего будут говорить между народами: где Бог их?» И тогда возревнует Господь о земле Своей, и пощадит народ Свой. И ответит Господь, и скажет народу Своему: вот, Я пошлю вам хлеб и вино и елей, и будете насыщаться ими, и более не отдам вас на поругание народам. И пришедшего от севера удалю от вас, и изгоню в землю

безводную и пустую, переднее полчище его – в море восточное, а заднее – в море западное, и пойдет от него зловоние, и поднимется от него смрад, так как он много наделал зла... (Иоил. 2, 12–26).

Феофан Затворник словом своим только усиливает пророчество: *И ныне еще говорит Господь: обратитесь ко Мне всем сердцем своим в посте, плаче и рыдании. Раздирайте сердца ваши, а не одежды ваши и обратитесь к Господу Богу вашему; ибо Он благ и милосерд, долготерпелив и много-милостив. Вострубите трубою, назначьте пост и объявите торжественное собрание... пусть выйдет жених из чертога своего и невеста из своей горницы... да плачут священники, служители Господни, и говорят: «Пощади, Господи, народ Твой» (Иоил. 2, 12–17).* Кто слышит ныне глас этот, раздающийся в церкви? Если бы с неба на площадях раздался громовой голос: «Пощадите, люди, себя самих, да пощадит и вас Господь», может быть, кто-нибудь и услышал бы его и очнулся от упоения утехами, похотями и вином. Священники не перестают взывать: «Пощади, Господи!» Но от Господа верно исходит грозный ответ: «Не пощажу, ибо нет ищущих пощады». Все спиною стоят к Господу, отвратились от Него и забыли Его.

Преподобный Силуан Афонский говорил:

«О, если бы люди хотя бы на минуту все встали на колени и попросили у Бога прощения, то Земля в мгновение ока

превратилась бы в рай!»

Но не просят люди прощения, не каются в грехах, а привычно погружаются в них. Отвратительное и богомерзкое становится нормой.

В юности своей я увлекался фантастикой. Читал и Герберта Уэллса, в частности, знаменитый роман «Война миров» о том, как марсиане захватили Землю. Запомнились высокие боевые треножки, тепловые лучи, способность перемещаться со скоростью птицы. Но главное – это описание пришельцев: огромные головастики со щупальцами, которые питались кровью живых существ. И людей тоже.

С начала «пандемии» – атаки на человечество искусственными вирусами – меня не покидало и со временем только усиливалось чувство, что Землю и в самом деле захватили марсиане, которых христиане называют бесами. Надвигалось горькое иго, страшнее которого люди не знали никогда. Мы все забыли, что принудительная медицина стояла на пороге наших домов, невиданный информационный шквал подавил всякий здравый смысл, вверг человечество в ужас перед новой болезнью и смертью, а в окнах домов уже маячил призрачный антихрист. Мы забыли, как закрывались храмы по всему свету. Всевозможные ограничения, маски и перчатки, куар-коды, камеры слежения, коллапс на транспорте и в медицине. Не оставалось сомнений, что идет стремительная подготовка к Новому мировому порядку. Устроители и пропа-

гандисты уже ничего не скрывали.

Постоянный президент Всемирного экономического форума в Давосе Клаус Шваб в 2019 году выпустил в свет программную книгу «Ковид-19: великая перезагрузка». В книге подробно описывались шаги по окончательному и бесповоротному изменению привычного нам мира и созданию новой реальности/нормальности. К 2030 году должны были исчезнуть институт семьи, частная собственность на жилье, автотранспорт, домашний скот, землю. Дети становятся собственностью мирового государства. Образование и воспитание сводится к самым примитивным навыкам и действиям через полную погруженность в виртуальную мега-вселенную. Пища становится синтетической. Медицина – дистанционной. Лечить должен искусственный интеллект. Обязательная регулярная вакцинация. Отменялись бумажные деньги. И, конечно же, сокращение населения планеты до необходимого «золотого миллиарда».

Закон об обязательных куар-кодах должна была принять в декабре 2021 года Государственная дума. До этого принимались пугающие законы об эвакуации населения, о массовых захоронениях, о ТОРах – территориях опережающего развития, на которых не будут действовать законы страны. На наших глазах выстраивался мировой электронно-медицинский концлагерь. На всех катился неотвратимый каток неведомого и страшного. Люди протестовали, выходили с плакатами на улицу: «Фашизм не пройдет!» Создавали антифа-

шистские комитеты. Собирали подписи. Я лично говорил с нашим региональным депутатом из ГД, а потом написал ей СМС:

«С праздником Введения Божией Матери во храм! В дополнении к нашему разговору замечу важное: обсуждаемый закон о куар-кодах для верующих есть прямая отсылка к Откровению Иоанна Богослова и печати антихриста. Умоляю вас стоять стеной против закона. Да помогут вам Господь и Пресвятая Богородица!»

В Воскресной школе для взрослых на «Евангельских вечерах» в ноябре и декабре прошлого года мы с прихожанами вполне серьезно обсуждали способы выживания в условиях новой реальности. Мы видели, что в соседних деревнях москвичи и другие приезжие скупают дома, заводят домашнюю птицу, козочек, поросят. Мы слышали, что обсуждаются законы, позволяющие медработникам и полиции входить в жилье и проверять наличие непривитых. Во всем цивилизованном мире уже вакцинировали детей. Силы, которые не подчинялись государству, творили беззаконие, и мы не видели никого, кто мог бы их остановить.

На одном из занятий я сказал: «Вы можете считать меня сумасшедшим, но вселенское зло, которое пленило нас, которое на всю планету набросило стальную сеть, может быть остановлено только войной. «Горячей» войной. И Господь пошлет её, хотя кажется, что руководство всех государств на-

ходится под полным контролем мирового правительства».

В день, когда началась Специальная военная операция, я служил Божественную литургию. Было это 24 февраля. Причастников было немного, служба не затянулась. Когда я выходил из храма, ко мне подошла Наташа из маникюрного салона. Яркая брюнетка с изящным макияжем. Лет пять назад приехала из Донецка. Она сжала мою ладонь совей холодной ручкой и сказала:

«Россия нанесла удар по Украине! Утром по всей стране взрывы... Страшно! У меня там родные!»

«Ничего ещё не знаю, Наташа. В любом случае надо молиться!»

Господь вновь явил Свою милость погибающему роду людскому. Явил через Россию. Началась война миров. Конечно, это война не с Украиной.

Украина – видимый, искусственно инфицированный гнойник, а под ним гигантская глобальная опухоль, назначение которой свести в ад весь род человеческий. Россия опять поднимается на Голгофу за всех.

И вновь со всех сторон раздаётся привычный озлобленный крик: «Распни! Распни её!» Но без Голгофы нет Воскресения. На Голгофе кровью и муками смывается грязь души, приходит преображение и движение в жизнь вечную.

В 1990 году преподобный Иаков Эвбейский, молясь у раки Иоанна Русского, услышал голос: «Если не будет войны, дети ваших детей превратятся в исчадия ада». Бойцы нашей

армии, погибающие в битве с нелюдьми и фашистами, уходят в Небо. И уже там, просветленные светом Истины, благодарят Бога, избавившего их от медленного умирания среди мата, пьянства, наркотиков, разврата и безверия. Благодарят и уже оттуда помогают нам молитвами.

Католический архиепископ Карло Мария Вигано в своей декларации от 6 марта заявил: «Быть может, Провидение предопределило, что Москва, Третий Рим, сегодня в глазах мира возьмет на себя роль катехона, эсхатологической преграды антихристу, воссоздаст христианскую цивилизацию и спасет мир от глобалистского техно-медицинского трансгуманистического монстра».

Когда апостол Пётр услышал от Спасителя, что Того ожидает в ближайшее время, *он отозвал Его и начал прекословить Ему: будь милостив к Себе, Господи! Да не будет этого с Тобою! Он же, обратившись, сказал Петру: отойди от Меня, сатана! Потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое.* (Мф. 16,22). Человеческое – это глиняное и земное, Божие – небесное и исполненное неизъяснимого блаженства. Многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Небесное! Чтобы спасти Церковь святую от полного уничтожения, приготовленного Ей большевиками, Господь послал Гитлера. Чтобы спасти человечество от антихриста, содомии и лютого сатанизма, Господь послал Россию освободить Украину.

24 февраля, когда началась военная операция, родился

святой праведный Феодор Ушаков. На иконе он изображен со свитком, на котором написано: «Не отчаивайтесь. Сии грозные бури обратятся к славе России». Случайно? У Бога случайностей нет.

Благодаря России у человечества появился шанс еще на какое-то время отложить приход антихриста.

Святейший Патриарх Кирилл в проповеди на Прощёное воскресенье сказал: «Эта война имеет не только экономический, геополитический, но прежде всего метафизический характер».

То есть это духовная война, война света и тьмы, Бога и сатаны. За души людей.

Война миров!

Семена чертополоха

Где возникают, откуда берутся семена кровавого чертополоха, называемого войной? Сеет их диавол на пустырях человеческого духа, отвергшего Своего Создателя и Отца. На этих пустырях веют ядовитые ветры страстей, струятся темные воды забвения своего первородства, своего великого предназначения во Вселенной. Опустевшие души, омертвевшие сердца, не знающие удержу и утоления во грехе и бесстыдстве, – вот навоз, которым удобряются поля войны.

Известный православный телеведущий Борис Корчевников высказал глубокую мысль:

«Да, то, что потом разрешается гремющей на весь мир катастрофой – начинается и зачинается в тишине. В тишине творится тихий личный грех. В тишине она соглашается на эту ночь. В тишине он отправляет её на аборт. В тишине неслышного нам крика погибает нерождённый ребёнок. И всё это время, все эти ночи и дни тяжёлой греховной тишины – на Небе стоит крик. Крик и плач, которых мы не слышим. И наступает момент, когда этот крик с Неба переливается на Землю. И начинает кричать, греметь и сотрясаться земля. И не надо вздыхать: «Когда это закончится?» Только тогда, когда в нас самих капитулирует то, что и без войны нас убивало».

Святитель Василий Великий говорит, что убийство на

войне не является грехом убийства, если оно совершается ради защиты целомудрия и благочестия, а значит, Православной веры и Христианских святынь.

Закончилась исповедь. Он стоял прямой и спокойный. Исповедников больше не было, можно было пообщаться. Офицер спецназа Андрей. Нет и сорока, но сухое лицо в тёмных складках, в глубине которых чудится порох. Твёрдый взгляд карих глаз.

«Как там?» – спрашиваю.

«Я прошел Чечню, Сирию, был в Центральной Африканской Республике, но такого не видел. Нечеловеческая жестокость. Нас поливают из “градов”, засыпают артиллерией».

«Но мы побеждаем?»

«У нас нет другого выбора. Только победа! Давим медленно, но продвигаемся...»

«Не буду вас задерживать Андрей. Мне важно услышать ваше мнение вот по какому важному, на мой взгляд, вопросу. Греческий митрополит Морфский Неофит, говоря о ситуации на Украине, охарактеризовал войну как “необходимую операцию для очищения”, поскольку в наше время крайне умножился грех, нечестие и отсутствие веры».

По словам митрополита Морфского Неофита, в 1990 году, за год до своей блаженной кончины, преподобный Иаков Эвбейский отправился в селение Новая Прокопия поклониться мощам святого Иоанна Русского. Сидя у раки со святыми мощами, он молитвенно общался со святым Иоан-

ном Русским.

«Много греха, много нечестия и много неверия в мире, – сказал святой Иоанн отцу Иакову, – из-за этого должна начаться война».

Тогда, как повествует митрополит Неофит, «чуткий и сострадательный» старец Иаков ответил святому Иоанну:

«Неужели начнется война? С детских лет я видел войну и страдания людей; если война начнется внезапно, многие души погибнут, не успеют покаяться».

«Должна быть война, должна быть война, должна быть война, – ответил ему святой Иоанн, – если не будет войны, то дети ваших детей будут исчадия ада. Богу угодно провести вас сквозь горнило испытаний ради очищения».

«Всё, что сейчас происходит, – сказал митрополит Морфский, завершая беседу, – это необходимая операция».

«Что вы, Андрей, на это скажете?»

«А вы, батюшка, что скажете? Посмотрите вокруг. Разве не ясно, что большинство сейчас живут для всевозможной дури, постели, стола и унитаза, комфорта! Так быть не должно! Человек не для этого рождается! Для меня многое поменялось. Зовут, скажем, на шашлыки, а у меня ком во рту, запах человеческого мяса в ноздрях! Полностью согласен со словами святого!»

Я благословил его крестом, крепко обнял.

«Будем молиться за вас!»

Господь давал России истинных пророков, и они прямо

предсказывали страшную судьбу, которая ждёт народ и страну, если не будет всеобщего покаяния и возвращения к спасительной вере предков. К примеру, архиепископ Харьковский Амвросий (Ключарев) за три с лишним десятилетия предвидел и предсказал национальную катастрофу, которая постигла Россию в страшном 1917 году:

«В древних, христианских обычаях нашего народа были воплощены вера, благочестие, духовные подвиги, воздержание, целомудрие, честность, послушание властям; в обычаях новых, вводимых так называемыми просвещенными людьми, очевидно воплощается безверие, чувственность, бесстрашие по отношению к закону нравственному и совести и ничем неудержимое своеволие, соединяемое с порицанием и отрицанием властей. Можно не только уследить, но и определить, когда наступит час решительного нравственного разложения, а затем и падение нашего великого народа. Это будет, когда в народе число людей, отвлеченных ложным просвещением от христианских обычаев к новым языческим, перевесит и задавит число добрых христиан, остающихся им верными»¹.

Читаю известный роман «Хождение по мукам» писателя Алексея Толстого, «красного графа», как его называли со-

¹ Слово в день восшествия на Престол Благочестивейшего Государя Императора Александра Александровича, 1885 год. Полное собрание проповедей высокопреосвященнейшего архиепископа Амвросия, бывшего Харьковского: С прил. Т. 1–5. Харьков: Совет Харьк. епарх. жен. уч-ща, 1902–1903. / Т. 3. 1902. [2], VI, 558 с.

временники, где описываются события в России перед революцией, сама революция, Первая мировая и Гражданская войны. Вот декларация одного из героев:

«Мы – новые Колумбы! Мы – семена нового человечества! Мы требуем от заплывшего жиром общества отмены всех предрассудков. Отныне нет добродетели! Семья, общественные приличия, браки – отменяются. Мы этого требуем. Человек – мужчина и женщина – должны быть голыми и свободными. Половые отношения есть достояние общества. Юноши и девушки, мужчины и женщины вылезайте из насиженных логовищ, идите нагие и счастливые, в хоровод под солнце дикого зверя!...»

Вспоминаю всем знакомое со школы стихотворение Александра Блока «Незнакомка»:

*По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.*

Именно «тлетворный дух» сеет и взращивает семена чертополоха войны.

В наши дни кощунственный концерт Филиппа Киркорова в центре страны, в Кремлевском дворце, посреди русских святынь Москвы! Во время представления Киркоров танцевал и пел на декорации в виде креста, внутри которого была «распята» актриса. Господь поругаем не бывает, но Он на-

казывает за поругание. И тех, кто это совершил, и тех, кто этому аплодировал, и тех, кто это попустил.

Мало кто помнит, что украинская кровавая смута началась со спиливания креста на Майдане полуголой девицей. Вокруг смеялись и фоткали. Девица эта потом покончила с собой в одном из французских отелей.

Вся мерзость и грех, которые живут внутри нашей страны, внутри каждого из нас, сейчас искупаются и смываются подвигом и кровью русского солдата. И в этом рождается настоящая Россия – Русь Святая.

Магазин «Пятерочка». Практически нет покупателей. За кассой наша прихожанка Анна. Обычно она в это время года отдыхает на море.

«Добрый день, Аня! Думал, ты сейчас, как обычно, в Архипке».

Смотрит на меня долгим взглядом:

«Время, батюшка, сейчас не то, чтобы, простите, пузо на солнце греть!»

«Согласен! Ну что, проводила племянника? – Знаю, что у нее гостил племянник Кирилл, на пару дней заехал перед возвращением на фронт. – Как он?»

«Очень серьёзный. Таким его и не помню».

«Что говорит?»

«Обнял меня, поцеловали сказал: “Если не мы, то кто?”»

У Ани глаза красные.

«Набралась смелости и спрашиваю: “Тебе, Кирюш,

страшно?”»

Он отвечает:

«Знаешь, как-то идет экскурсия по музею или галерее, а на стене картина “Тайная вечеря”. Один из туристов спрашивает гида: “Это что за группа за столом”.

“Русские на вечеринку собрались”, – отвечает тот.

“С чего вы взяли, что это русские?” – “А с того, что с ними Бог”.

Страшно – не страшно, стараюсь не думать, но твердо знаю, тетя Аня, что с нами Бог!»

Медицина катастроф

Подушка много ночей подряд враждует со мной. Она растеряла привычные свойства покоить и баюкать. Словно её набили боксерскими перчатками. Матрац по неуютности своей, по непригодности к ночному отдыху уподобился мостовой, по которой туда-сюда снуют тяжеловесные тени. Можно сесть, можно лечь, но напряженный, неслышимый ухом гул мировых событий не дает покоя, электризует воздух, сушит кожу и губы.

Сегодня после службы идём с отцом Евгением в военкомат. Уезжает на фронт вторая партия мобилизованных резервистов. Несём святую воду, чашу, кропило, икону «Казанской» Божией Матери.

В старом, ещё советских лет, здании военкомата служащие, представители администрации, бойцы и их родственники. Напряжение, как в трансформаторной будке. Проверяют и перепроверяют списки, военные билеты, раздают продуктовые пайки.

Звучит команда выходить во двор, потому что служить молебен в помещении неудобно: слишком тесно. Серое небо, мелкий дождь. Ребята выстраиваются в две шеренги. Родственники в пяти шагах. Военком шепчет мне:

«Эта партия гораздо спокойнее и увереннее, чем предыдущая. Тех-то выдергивали среди ночи...»

Начинаем молиться. Ребята крестятся. Потом кропим их святой водой, благословляем крестом. Раздаю каждому крохотные бумажные складни, внутри которых псалом 90. Потом говорю:

«Братья, вы идете на войну. Так получилось, что это битва с силами ада, с сатанинской тьмой. Но с нами Бог! А потому вы обречены на победу! За вами огромная страна, за вами семьи, родные и близкие, с вами наша любовь и наши горячие молитвы! Сейчас скажу важное: если хотите вернуться домой, не материтесь и молитесь! Молитесь и побеждайте! Храни вас Господь!»

Ребята идут к родным, целуют их, обнимают.

Звучит «Прощание славянки».

Дождь моросит, и не понять, слёзы это на лицах или капли дождя.

Рассаживаются в автобусы, сдержанно машут руками. Вслед за толпой провожающих выхожу на улицу. Много легковых машин вдоль дороги. У одной дверка открыта, звучит по радио реклама: «В Нижегородском магазине “Византия” огромный выбор бриллиантов. Приходите! Мы будем рады вам!»

В мозг осколком вбивается диссонанс между происходящим здесь и тем, о чём говорит «Авторадио». Это действительно война Бога с сатаной, и она идёт на всех фронтах. Прежде всего на духовном, на ментальном уровне. Линия фронта проходит через наши сердца.

Подходит женщина. Из глаз градинами слёзы. «Вот они – бриллианты!» – думаю я.

«Батюшка! Батюшка! Вот проводила брата, сердце разрывается. А мой племянник, сын сестры родной, валяется у неё в ногах: “Мать, сделай мне справку, что я умер, чтоб меня не забрали на фронт!” – Она приблизилась почти вплотную, глаза – колодцы отчаяния. – Они живут богато, она может любую справку купить. Как же это несправедливо!»

Смотрю на неё и молчу. Потом беру за мокрую холодную руку и говорю:

«Слушай и запоминай! Племяннику скажи: “Мальчик мой! Тебе не нужна справка о смерти. Потому что ты уже мёртв. В сердце твоём поселилась смерть. Никакая справка уже не поможет, никакой бункер не спасёт!” А брат твой моя дорогая, уже сейчас на пороге к бессмертию, и Бог не оставит его по твоим молитвам и твоей любви. Гордись братом и плачь о племяннике!»

Недавно читались Евангелие и слова святителя Феофана по этому поводу: *Ободритесь, это Я, не бойтесь* (Мф. 14, 27; см. Мк. 6, 45–53).

Вот опора упования нашего! Какая бы беда и скорбь ни была, вспомни, что Господь близ, и воодушевься мужественным терпением. Как тогда Он вдруг предстал апостолам, бедствовавшим на море, так и тебе, бедствующему, внезапно явит помощь Свою и заступление», – говорил Феофан Затворник.

А еще он писал в дни Балканской войны 1877 года:

«Все такие мысли прямо ведут к решению: хочешь, не хочешь, — а ступай воевать, мать — Русь Православная. Пусть даже неудачно будет, если Богу угодно посрамить нас, но мы и пред своей совестью, и перед историей будем оправданы, что сделали свое дело достойно. Напротив, если мы ничего прочного не доставим братьям и воевать не станем, нам будет и перед собою стыдно, и пред другими, и пред историей. И на том свете будет нас преследовать стыд и срам. Падет Россия без войны ниже, нежели как унизит ее неудача войны... Слышно, что и в Питере, и у вас в Москве, немало лиц, которые не благоволят к войне, и даже к самому заступничеству нашему. Это должно быть выродки какие-нибудь. Ибо я не вижу и не слышу, чтоб хоть где-нибудь было какое колебание в народе и среди всех провинциалов. Есть и тут лица с высшими взглядами, но и это все грошовый народ...»

Время идет, идут столетия, а ничего не меняется.

Хорошо сказал отец Андрей Ткачев:

«Мы мешаем всем сатанистам, которых довольно много. Просто с нами Бог, хоть многие из наших этого в упор не понимают и не замечают. А Он всё равно с нами. Потому что больше не с кем. Всех остальных либо купили, либо запугали до превращения в пушечное мясо. А Россия не то, не другое, не третье. Когда-то во время чумы Киприан Карфагенский, будущий мученик, говорил пастве, что бояться не надо. Не потому, что мы на 100 % спасемся от чумы, а потому, что

Христос воскрес. В этой жизни нам отдельный билетик не подарен. Все болеют – и мы. Все умирают – и мы. Всем тревожно – и мы не из железа. Но всё сие побеждаем верой в Возлюбившего нас и Воскресшего ради нас. Кто в вере, тому можно тревожиться, но быть трусом грешно».

Святитель Николай Сербский, обучая нас небесной грамматике, говорил: «Смерть – это не точка. Смерть – запятая».

Приехал в Нижний Новгород на конференцию по тюремному служению.

После неё договорился встретиться в парке с хорошим знакомым и поговорить о вещевой помощи нашей воюющей армии. Во всю огромную стену завода «Термаль» плакат:

«Бойцы – сражайтесь! Матери – надейтесь и ждите! Командиры – не подведите!» И совсем неподалеку баннер с объявлением скорого концерта Киркорова, который в январе 2022 года глумился в Кремлевском концертном зале над крестом Господним.

Рассказываю об этом Алексею, который встретил меня на автобусной остановке. Алексей, человек твёрдой воли и несокрушимого патриотизма, бывший офицер, отвечает:

«Давно заметил эту практику двоящихся смыслов и плавающей морали. На границе с Грузией и Казахстаном тысячи машин с бегущими от призыва в армию мужчинами. В основном питерские и московские номера. Их не останавливает, что пограничники ставят в военном билете штамп: «Де-

зертир. Уклоняется от военной службы. Склонен к предательству». Не понимаю, почему их вообще выпускают? Почему не запретят развлекательные шоу на телевидении? Где плакаты «Родина-мать зовет?» Где повсеместный строгий призыв: «Все для фронта, все для победы!»? Почему в день, когда была объявлена мобилизация, а именно 21-го сентября, на Рождество Богородицы, в день памяти Куликовской битвы, 200 пленных азовцев-сатанистов, садистов, которых ждал анонсированный на весь мир трибунал и высшая мера, обменяли на наших 50 пленных и олигарха Медведчука? Тяжелейший духовный удар по нравственному и боевому духу солдат, по сознанию граждан, по престижу власти, равный поражению на фронтах. Кто стоит за этим предательством и подлостью? Значит, существует параллельная власть, которая проводит свою темную и разрушительную политику против страны, народа и президента? Почему 11-го сентября, в День Усекновения Главы Иоанна Предтечи, устраивается в Москве День города, на котором происходит презентация самого большого колеса обозрения (в народе – «чёртова колеса»), а в Лужниках поёт скандально известный матершинник Шнур песню о сгорающей в пожарах Москве? Где ответы? Почему Господь попускает это? Почему наши вооруженные силы не разрушат мосты и железные дороги, по которым идет западная военная техника, топливо врагу? Увидеть бы этих мерзавцев, которые вяжут армию по рукам и ногам! В кровавой мясорубке гибнут тысячи православных! Где цер-

ковь? Почему молчит?»

«Прекрасно тебя понимаю, Алексей! Люди спрашивают: «Где Церковь? Церковь спрашивает: где люди?»

Ведь людей-то особенно в храмах не прибавилось, хотя ушли на фронт самые близкие и родные. Если не просыпаемся от звука колокола, то колоколом становится звук взрывов.

Примером для нас служат сейчас братья-мусульмане, у которых ничего не двоится, всё цельно и даже возвышенно. Чеченская мать, отправляя сына на войну, говорит:

Иди и ничего не бойся! Не прячься за спины друзей, а сам их прикрой, если надо!

Знаю одно, что любящий Господь тесным путём ведёт нас, паршивых негодяев, ко спасению. Бог не палач, но врач! Аварии на дорогах – тридцать тысяч в год! Пьянство, наркомафия, блуд, измены, матерная брань даже среди маленьких детей... Каких милостей мы можем ждать от Бога?

Министерство обороны опубликовало число погибших наших воинов, невозвратные потери. Около шести тысяч. Может быть, их и больше. Много это или нет? Конечно, много! Смерть одного человека – уже трагедия. Но посмотри, сколько было сделано абортотв за годы после начала перестройки! За тридцать лет по самым скромным подсчетам убито сто – сто пятьдесят миллионов младенцев, безгрешных, беззащитных, никому не принесших вреда, не успевших открыть глаза и увидеть белый свет. Убито изошрён-

ным способом по сговору группой лиц, как сказал бы нам об этом Уголовный кодекс. С участием матерей – отягощающий фактор! Уничтожена, убита целая страна! Ты представляешь, сколько бы нас сейчас было? И где миллионы кающихся? А потому не надо удивляться происходящему!»

Идём с Алексеем к переходу через проспект, направляемся в парк. Звонит телефон. Это из питерского госпиталя знакомая врач, у которой попросил список самых необходимых для фронта медикаментов.

«Добрый день, отец Михаил! Выслала вам список на электронную почту. Хотите историю, от которой до сих пор у меня не просохли глаза? Иду по палатам с обходом. На кроватях раненные разной степени тяжести. Захожу в одну, там морпех с ампутированной ногой. В бинтах и капельницах. Вдруг слышу, как что-то начинает бабахать за окном. Звук даже сквозь плотные стеклопакеты прибиваются. В этот же миг мой одноногий морпех вскакивает с кровати, роняет стойки капельниц и валит меня на пол, прикрывает собой: «Ложись, сестренка! Сейчас прилетит, мало не покажется»».

Лежим, взрывы не прекращаются. И только тут до меня доходит, что это на Финском заливе «золотая» молодежь что-то там празднует. Видела накануне из окна, как туда целая вереница длиннющих «Хамеров» проехала. Глажу его по руке, плачу:

«Родненький, это не снаряды, это салюты пускают!»

Пересказываю Алексею. Лицо его темнеет, скулы заостря-

ются.

«И до какой поры будет это продолжаться? Предатели! Одни веселятся, другие льют кровь! Где наши Гермогены? Где воззвание: “Родина в опасности!”? Господи! Господи!...»

Подходим к пешеходному переходу через проспект. Машины сплошным потоком. Безумные мотоциклисты с ревом лавируют между ними. Вот свадебный кортеж. Десятка полтора дорогих белоснежных машин с лентами и куклами на капотах.

Вдруг раздаётся нарастающий пронзительный звук сирены. Машины берут вправо, останавливаются. Все останавливаются. Останавливается свадебный кортеж. Появляется удлинённый желтый микроавтобус с красной надписью: «Медицина катастроф» и проблесковым маячком. Проносится мимо. Алексей провожает его взглядом, смотрит на меня:

«Что это?»

«Видимо, ответ на наши вопросы, – говорю. – Бог не палач, а гениальный врач! Чтобы спасти нас, нужно серьёзное хирургическое вмешательство. Как известно, мертвых не лечат, значит, мы ещё живы у Бога!»

Мишень

Служба закончилась, я направлялся к выходу из храма.

«Вас к телефону, отец Михаил!»

В трубке чуть картавый женский голос, вроде бы даже знакомый, но вспомнить не могу.

«Добрый день, Михаил Семенович! Не узнаете? Надежда Павловна. Приехала с мужем в Ардатов погостить к маме. Вас, Михаил Семёнович, и матушку ждём с мужем в ресторане. В удобное для вас время. Столик закажем. Вы не против? Целую вечность не виделись...»

Когда-то давно, в середине 1990-х, Надежда Павловна работала в нашей ЦРБ хирургом. Прекрасный внимательный специалист, душа-человек. Ещё тогда сложилась между нами неуловимая взаимная симпатия. Конечно, по ресторанам с матушкой не ходим, но на этот раз согласились. Договорились на вечер.

Сидим, ужинаем, вспоминаем прошлое, обсуждаем перемены, которые в Ардатове произошли за эти годы. Надежда Павловна с мужем работают в военном госпитале. Очень сдержанна в суждениях и оценках, но в какой-то момент неожиданно начинает говорить, понимая, как нас интересует эта тема:

«В начале военной операции даже многие врачи принимали её с непониманием и осуждением. Теперь всё поменялось.

Так ведь, Костя? Это как в хирургии: хочешь – не хочешь, а надо оперировать, чтобы спасти пациента. Здесь не до рассуждений. И ребята раненые, есть и тяжёлые, но все какие-то просветленные. Нет озлобления. Вот что удивительно! Детишки-школьники каждый день приходят, рисунки приносят, короткие сочинения вслух читают, проходят концерты и слышны песни. Нет уныния! Нет отчаяния! Почти все хотят, если признают годным, вернуться на фронт. На всех кресты. Смотрю, у одного узбека, Алишера, под пижамой крест. Ты же мусульманин! Погладил крест и говорит: «Без него нельзя! Спасает!» Жаль только, что с началом мобилизации многие рванули за рубеж. У нас что – уже и патриотов среди молодежи нет? Или это сытые и богатые? Вот Костя считает, – она смотрит на мужа, – что всё упирается в воспитание, вернее, в его отсутствие. Ни в семье, ни в школе нет достаточного внимания и упора на нравственность, ответственность, патриотизм».

«Согласен! Знаете, Надежда Павловна, обычно перед началом учебного года в храмах совершаются молебны, на которых много детей – школьников и студентов. Мы завершаем молебен молитвой: “Господи, спаси и помилуй российскую молодежь, погрязшую в страшных грехах неверия, маловерия, зловерия, злочестия, незнания и несоблюдения Закона Божия, не-почитания родителей и в страшных пороках сквернословия, блуда, прелюбодеяния, разврата, винопития, наркомании, и приведи её к истинному покаянию и в Цер-

ковь Твою Святую, Соборную и Апостольскую, юже снабдел еси Честною Твоею Кровию”. Дети и подростки вряд ли понимают, для чего их привели родственники и о чем это там бормочет священник. Но Бог-то видит наши беды! Он видит, что битву за детей и молодёжь мы проигрываем».

Недавно на улице наш прихожанин Харитон останавливает меня. Достает из багажника банки с домашними соленьями-вареньями: «Это вам жена попросила передать». Разговорились о детях, молодежи. Харитон достал телефон и показал ролик, где мальчишка лет девяти с опустошенным взглядом смотрит на мать, которая в панике пытается докричаться до него:

«Сынок! Давид! Ты меня слышишь? Как тебя зовут, тебе сколько лет?»

Тупой взгляд идиота, молчание. Дальше в ролике рассказывается, каким образом детей даже младших классов подсаживают на дешёвые синтетические наркотики китайского производства. Они упакованы в конфеты и жевательную резинку и поначалу раздаются бесплатно. Привыкание наступает со второго раза. Вред здоровью колоссальный. Через полгода начинают разрушаться кости.

«Увы! – говорит Константин. – Это у нас сейчас повсеместно. В каждой школе. И у нас тоже – в столице. В столице, пожалуй, особенно. Родители пытаются бороться, учителя, сотрудники полиции, но дело зашло слишком далеко. За всем этим стоят бешеные деньги, и нити тянутся на самый

верх. В начале февраля в интернете появилось скандальное сообщение, что некий московский подросток Вова демонстративно плевал на спину своего девяностолетнего деда, ветерана Великой Отечественной войны, а потом ему сзади на спину помочился. Дед этого не видел, но видели подростки, приятели Вовы, которые находились в квартире, где дед, Вова и его родители проживали. Трое подростков хохотали, снимали на телефон, а потом выложили в интернет. А причиной этой мерзкой выходки были обычное стариковское желание вразумить подростков, удержать от участия в массовых беспорядках».

«Да, Константин, простите, не знаю вашего отчества...»

«Яковлевич.»

«Константин Яковлевич, в юности я занимался боксом. Есть такой прием – глухая защита, когда прижимаешь локти к бокам, втягиваешь голову в плечи, чтобы ослабить удар противника. Сейчас у меня такое чувство, что дети, подростки не только не знают, как защищаться, но и сознательно обучены быть мишенью. Их в самом раннем детстве сбивают на землю и бьют ногами. И делают это взрослые люди расчетливо, профессионально, безжалостно. С начала 90-х я по долгу службы окормлял колонию здесь, в Ардатове, что на месте бывшего Покровского монастыря. В колонии у подростков была жестокая забава, которая называлась «пробить фанеру». На тех, кто находился на самом низу колонской кастовой лестницы и назывался «опущенным», «авторитеты»

отрабатывали удары. «Опущенных» ставили к стенке и били кулаком в грудь. Били изо всей силы. Грудная клетка должна была вмяться, и тогда удар считался удачным, а «фанера пробитой».

Я вижу, что у современных детей и подростков «пробивают» даже не «фанеру», а душу. Пробивают преступные мировые «авторитеты», которые оказались хозяевами денег и власти. Души подростков в массе своей пусты и безжизненны. У них нет высокой цели. У них нет мечты. В глазах не светится радость, самое ценное для них – они сами и их смартфоны. Зависимость от них – сродни наркотической. Это отмечают все психологи. Цели тех, кто готовит новое глобальное рабство, – убить интеллект, сознание низвести до самых примитивных желаний и отпавлений. Это было еще в планах Гитлера для поработанных славянских народов. Посреди деревни предполагалось поставить столб с репродуктором, весь день звучит примитивная музыка, пошлые тексточки, начальное образование сводится к обучения простейшим навыкам. «Дистанционка», которую опробовали под дымовой завесой «пандемии», должна, по мысли глобалистов, окончательно добить классическую школу. Дети – самые уязвимые существа в этой войне за души людские.

По ним наносится основной удар, потому что взрослые, особенно люди старшего поколения, имеют устоявшееся мировоззрение и определенную нравственность.

«Я – военный, как вы понимаете, служил много лет в Си-

бири в войсках связи. С Надей переезжали из одного военного городка в другой, пока не оказались в Ардатове. Видел многое и многих, но то, что сейчас происходит с людьми, с молодежью, – нестерпимо! Полное разложение! Думал, только потрясение может изменить ситуацию. Только событие или ряд событий, которые вывернут человека наизнанку, смогут вернуть к жизни спящий рассудок. Какие-то экстремальные встряски и испытания. И вот – война!»

«Если позволите, я расскажу одну историю, которая имеет непосредственное отношение к нам и тем событиям, которые мы все переживаем. Вот коротко её содержание. Подмосковная мотострелковая часть. При ней Музей Боевой славы, куда в начале учебного года по традиции приезжают московские школьники, чтобы осмотреть экспонаты музея, военную технику на площадке, послушать ветерана войны. Рассказ ведется от лица старшего лейтенанта Марата, которого на месяц после госпиталя прикомандировали к музею, чтобы окреп и восстановился. Последняя экскурсия. К музею подъезжает небольшой автобус со школьниками. 16 человек. Плюс руководитель. Автобус шикарный и принадлежит одной из элитных московских школ. По тому, как вальяжно выходили из автобуса старшеклассники, можно было понять, что они уже сейчас чувствуют себя выше прочих людей. На их лицах была скука, которую не развеял ни показ военной техники, ни рассказ ветерана войны. Ребята его не слушали, а сидели, уткнувшись в телефоны».

Ветеран поднялся, чтобы привлечь внимание.

«Ребята, вы живёте в счастливое время, никто не стреляет, бомбы не падают. В вас не стреляют, на вас не охотится враг, не берёт вас на мушку. Вы представляете себе, что может испытывать человек, когда на него прёт танк, а у него в руке только граната, когда вы для него – живая мишень...»

В какой-то момент ветерану стало плохо, его увели в санчасть, а до окончания экскурсии был ещё час, который надо было чем-то заполнить.

Марат увидел в окно подъехавший «Урал». Это ребята из хоззвода привезли почту. План созрел тут же.

«Ребята – обратился он к школьникам, – кто хочет привезти домой пакет свежих лесных грибов?»

Все дружно подняли руки. Марат выскочил на улицу, подошёл к старшему, которого хорошо знал, и попросил довести их до полигона. Была суббота, стрельб нет, а детишки пособирают грибы. Сопровождающий учащихся сказал, что подождёт в музее. Грузному мужчине в годах не хотелось лезть в кузов, а потом ещё час бродить по лесу.

В запретную зону полигона никого не пускали, а потому грибов было видимо-невидимо. Марат посоветовал собирать только белые. Пакеты были полны грибов, пора было возвращаться. Ребята увидели большой квадратный щит, а рядом длинную глубокую яму, стены которой были укреплены досками. Марат объяснил, что это – мишень, а яма – траншея, которая предназначена для солдат, обслуживаю-

щих мишень: её разворот, крепление, ремонт и замену.

Марат хотел уже уводить школьников от мишени, как раздался протяжный вой сирены. Такой сигнал подается перед началом стрельбы. Случилось то, чего не должно было быть. В субботу стрельбы не проводились, это был день профилактики. Но как потом узнал Марат, в этот день в часть приехала какая-то важная персона, ради которой и решили провести показательные стрельбы. Марат крикнул:

«Всем в траншею!»

По тону его голоса ребята поняли, что происходит что-то неожиданное, и попрыгали в траншею. Марат прыгнул следом. Сейчас он снова боевой офицер, от приказов которого зависит жизнь людей.

«Слушай мою команду! Мы на линии огня, сейчас начнется стрельба. Всем сесть да дно окопа, головы прижать к коленям. Стрельба продлится минут двадцать, потом будет сигнал отбоя. Раньше этого никто никуда не дергается».

Тут поднялся самый рослый из школьников и попытался возразить:

«На каком основании вы собираетесь нас удерживать в этой яме? По Конституции вы не имеете на это права...»

«Если ты не выполнишь приказ, я тебе по Конституции дам в глаз, а если покажется мало – во второй!»

В голосе была такая ярость, что парень невольно присел на корточки. Тут послышался отдаленный лязг гусениц и свист вращающихся башен.

Налетел железный смерч. Комья земли, щепки, камни, ключья травы и кустов. Бруствер срезало. Внезапно стихло. В траншее завоняло. Кто-то сходил по маленькому, а кто-то по большому. Прозвучала сирена. «Отбой!»

Марат поднялся:

«Все за мной!»

Они выскочили из траншеи и кромкой леса добежали до дороги.

Марат знал, что за дорогой есть небольшое озерцо, скорое, теплая лужица. Все побежали туда.

«Всем раздеться и в воду, штаны и трусы прополоскать, выжать и надеть. Лучше быть мокрыми, чем вонючими».

Когда подъехал «Урал», все без подсказки быстро залезли в кузов и молчали всю дорогу. В зале их ждал бледный от слабости ветеран. Он стоял, держась за спинку стула.

«Ребята, простите, что не смог рассказать вам до конца...»

«Вы не беспокойтесь, мы всё поняли! – сказал тот, кто был выше всех. – Особенно про мишень! Можно с вами на память сфотографироваться?»

«Вот-вот! – сказал Константин Яковлевич, слегка отстраняясь и давая возможность официантке сменить блюдо. – Я об этом и говорю! История прямо в “яблочко”! Хочу сказать, что в этой последней битве мы не выиграем, если не победим врага в себе, внутри нашего общества, внутри народа, мо-

лодежи. Вы помните картину Бубнова “Утро на Куликовом поле?” Войско Дмитрия Донского готовится к сражению со страшным и превосходящим врагом. Простите мою странную мысль, но мне иногда представляется, что на том берегу не полчище Мамая, а Останкинская телебашня. Великому князю принадлежат слова: “Честная смерть лучше позорной жизни”. Так вот нам, измученному смердящими либеральными идеями и “ценностями” народу, по-прежнему предлагается со многих экранов и мониторов, баннеров “позорная жизнь”, а не “честная смерть”. А позорная жизнь неизбежно приведёт к позорной смерти. Как страшно, когда у людей, у народа, у молодежи крадут стыдливость, честность, совесть! А за совестью – с ужасом понимаешь это – неизбежно вырвут сердце! Прочитаю одну цитату...»

Константин Яковлевич достаёт телефон, листает файлы.

«У входа в Стелленбосский университет (ЮАР) висит следующее сообщение: “Уничтожение любой нации не требует атомных бомб или использования ракет дальнего радиуса действия. Требуется только снижение качества образования и разрешение обмана на экзаменах учащимися. Пациенты умирают от рук таких врачей. Здания разрушаются от рук таких инженеров. Деньги теряются от рук таких экономистов и бухгалтеров. Справедливость утрачивается в руках таких юристов и судей. Крах образования – это крах нации”. Вы что-нибудь слышали про Бильдербергский клуб? Это довольно-таки закрытая организация сильных мира сего, ес-

ли хотите – мирового правительства, которая существует с 1954 года. Представители самых влиятельных финансовых кругов, спецслужб, политиков. Решают текущие проблемы и будущие судьбы человечества. В начале июня этого года они собрались в Вашингтоне в 68-й раз. Кое-какая информация просочилась. Получили нагоняй высокие чины из ООН, которые начали операцию “пандемия” раньше срока, не удостоверившись в технических возможностях стран ввести повсеместный одновременный локдаун и социальный рейтинг. Но для нас важно то, что Россия на этом сборище впервые в истории объявлена страной-изгоем. Она названа врагом всего прогрессивного человечества».

«И что из этого следует? – спросила Надежда Павловна».

«Из этого следует то, о чём сказал отец Михаил. На языке главных блатных этого мира, главарей международного ОПГ, нас объявили мишенью, назвали “опущенными”, и нам будут “пробивать фанеру”. Это объявление сделано для всей мелкой шпаны и шнырей, которые будут исполнителями».

«Грустно! – Надежда Павловна задумчиво взяла бокал. – Одним нам не выстоять. И что, напрасны все усилия и жертвы?»

«Не напрасны! – говорю. – Есть надежда, что “бегунки” рано или поздно отмоют свои запачканные трусишки в запредельных тёплых морях и захотят встать рядом с ветеранами. А Алишеры наденут кресты. Но главное даже не в этом. Мы, Надежда Павловна, не одни. И об этом говорят сами

строители, спровоцировавшие гражданскую войну внутри одного народа, одной страны. С нами Христос! Он-то и является главной мишенью. Но поскольку Он для всей этой инфернальной публики неуязвим, удар направлен на Его последователей, на верующих, прежде всего – православных христиан. Вот что прямо говорит конгрессмен Джейми Раскин: «Россия – это православная страна, исповедующая традиционные ценности. Именно поэтому она должна быть уничтожена, независимо от того, какую цену за это заплатят США»».

Это саморазоблачение сатанистов, это обозначение их главной цели. Уничтожение России началось с Украины. Они по живому вырвали кусок страны, оболванили часть нашего народа пропагандой «независимости», расчленяют Православную Церковь. Но с нами Христос, а это вещь нешуточная и не пустяшная. При любом раскладе победа будет за Ним и теми, кто верует в Него. И теми, кто плечом к плечу с верующими во Христа, как мусульманин Алишер. Как многие мусульмане. Кто насмерть стоит за человека, как создание Божие. Ведь сочинители этой всемирной трагической пантомимы прямо говорят, что человек должен утратить связь с Небом, что в нём необходимо подавить «ген Бога». Человек должен быть «служебным животным», «существом одной кнопки». Замечу, что все эти режиссеры-глобалисты – уже не люди в истинном, духовном понимании этого слова. Преподобный Иустин Челийский однажды точ-

но сказал: «В нашем земном мире очевидна реальность: чем меньше Бога в человеке, тем меньше человека в человеке. В безбожнике есть ли вообще человек? Безбожник неминуемо всегда и безчеловек, а тем самым и не-человек». И вот эти не-человеки восстали на человечество, на Бога! Вот в чём самый центр сегодняшней драмы! Это страшнее Гитлера и его рейха, который стремился уничтожить славян. Речь идет об уничтожении вообще людей как вида, превращение их в трансгуманистических цифровых существ, похищение их у Бога и низведение в вечный мрак преисподней. Но Господь, зная наперёд, что будет с нами – человечеством в конце времен, с несокрушимой определенностью говорит: *Не бойся, малое стадо! Ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство* (Лк. 12, 32), *В мире будете иметь скорбь, но мужайтесь: Я победил мир* (Ин. 16, 33).

Матушка моя внимательно смотрела на то, что происходит за моим плечом, и сказала подошедшей официантке:

«Будьте добры, включите звук!»

Мы все повернулись к большому экрану на стене.

Показывали какие-то дымящиеся руины, металлические обуглившиеся перекрытия, остатки небольшого павильона, где на стеллажах стояли иконы. Женский голос комментировал:

«В одном из зданий торгового центра в Подмосковных Химках силами МЧС локализован и потушен пожар, который возник рано утром, по предварительным данным, из-за

сварочных работ.

Пострадавших нет. Поражает и не находит объяснения тот факт, что среди покорежившихся от высокой температуры металлических конструкций, среди сгоревшего в пепел всего, что могло гореть, целыми и неповреждёнными оказались православные иконы Георгия Победоносца, Николая Чудотворца, Сергия Радонежского и многие другие именно мужские иконы. Женщина-продавец предположила, что это говорит о поддержке святыми угодниками наших солдат, воюющих за Родину – Святую Русь, и своих ближних».

Не успели мы обменяться и словом, как на экране появилась другой сюжет. Военный.

«В ходе выполнения боевого задания в районе Бахмутова истребитель-бомбардировщик СУ-24, будучи подбит ракетой, пошёл на таран и врезался в колонну вражеской бронетехники, чем сорвал наступление противника и спас многих российских воинов. Имена погибших: командир Александр Антонов, штурман Владимир Никишин. – Голос военкора срывался от волнения: Пусть земля будет для вас Небом, герои! Быть воином на стороне Правды – значит жить вечно! У летчиков есть такое поверье: если пилот не вернулся на землю, то он продолжает выполнять боевое задание!»

Пошли другие новости, мы попросили выключить звук и сидели в тишине. Глаза матушки блестели. Она взяла салфетку и сказала:

«Поразительны оба сюжета и то, что они оказались рядом

в ленте новостей! Иконы – неоспоримый знак присутствия Божественной Силы в нашем мире, святые и Ангельские чины на нашей стороне, а подвиг пилотов – пример жертвенной любви, которая в очах Божиих выше всего! Не соглашусь с вами, Константин Яковлевич, и с тобой, батюшка, что Христос и Его последователи являются мишенью для злых сил. Это они – тьма и мрак, злость и нежить – мишень для Христа и для нас, христиан! Ведь сам сатана – всего лишь тварь, когда-то созданная Богом. Христос – всепоглощающая, заполняющая всё мироздание, воинствующая и грозная Любовь, в котором нет и быть не может даже миллиметра пространства, где правят демонические силы.

“Сильна, как смерть любовь, – говорит Царь Соломон, – и стрелы её – стрелы огненные!” Но Христос и смерти сильнее, потому что её пригвоздили ко Кресту вместе с Ним. Но Он – воскрес, а она повержена и пленена, утратила силу властвовать над людьми. Она лишь проводник в Вечность, где встретит нас Христос, лишь бы мы оказались достойны. Как уже встретил этих героев-лётчиков!»

У бога мелочей не бывает!

Холодный май, солнце, юная листва яблонь в церковном саду. Сажу на скамейке и жду, когда привезут забытую мной сукфейку. Отпевал в маленькой сельской церкви пожилую мужчину и оставил на аналое сукфью.

Сажу и думаю, что на светлой седмице исполнилось тридцать лет моего священства. Что только не случилось, не отзвенело, не промчалось сквозь меня и мимо меня за это время! Сколько номеров телефонных уже никогда не отзовутся!

Апрель и май 1992-го года были заполнены освоением крохотной планеты под названием Ардатов, куда я высадились со своей многочисленной ребятней и растерянной матушкой.

А тем временем продолжали осыпаться конструкции великой страны, народ растерянно искал способы выживания, церковь была окном, в которое дул свежий ветер надежды. Я старался, насколько мог, эту надежду оправдать. Я был идеалист и новичок в церковной работе, а потому неизбежно совершал административные ошибки, впадал в крайности, ожидая от людей кристальной честности и порядочности лишь потому, что они называли себя православными.

Сегодняшнее отпевание чудным образом вернуло меня к первоначальным годам моего служения в Ардатове.

Везёт меня по светлой асфальтовой дороге в Чув-Майдан, так называется село, задумчивый водитель. Звать Димитрий.

«Как имя усопшего?» – спрашиваю.

«Степан».

«Болел?»

«Да, болел. И годы уже... Тяжело пережил смерть дочери. Кстати, вот памятник на обочине, поворот на деревню Сиязьма! На этом повороте она разбилась с женихом в 1996 году. Ехали венчаться...»

Молчу и провожаю глазами уходящий назад, утопающий в полевых цветах металлический скошенный прямоугольник с двумя портретами.

«Число, Дима, не помните, когда это случилось и как их звали?»

«Как же! Восьмого сентября это было. Я – ее двоюродный брат – ехал следом. Она – Татьяна. Он – Андрей. Ей – 20, ему – 22. На селе все помнят этот случай. Они ехали на дорогой иномарке. Какой-то родственник из Москвы на свадьбу пожаловал, а дороги не знал. Тут тогда насыпь была от недостроенной дороги. Он на скорости и выскочил. А дальше – кювет. Я сильно отстал на своем «жигуленке», а когда подъехал, машина их лежала на боку. Водитель и молодожены погибли на месте. Слышали, наверное, эту историю?».

Я не только слышал эту историю, но и сам был её участником.

До сих пор, как мне кажется, звенит во времени эта лоп-

нувшая трагическая струна.

В тот день в храме я ждал пару на венчание. Как положено, разложил на тумбочке венцы, свечи, корец с вином. Сижу и жду. Нет и нет! Телефонов сотовых тогда ещё не было. И вот вбегает человек, задыхается и никак не может слова вымолвить. Подхожу. Не лицо, а какой-то комок вымоченных в слезах фрагментов носа, глаз, губ.

«Они разбились!» – говорит и прислоняется к двери.

Помню, что все, кто приехал на свадьбу, остались на похороны. Похороны всегда дело невеселое, а тут купол вселенской трагедии накрыл всё село.

«Дима, а ведь это я должен был их венчать, а потом пришлось ехать отпевать.

До сих пор в ушах вой, который можно было услышать уже на подъезде к селу».

«Простите, не узнал вас! Вы изменились. Седая борода, лицо похудело. Ведь это я приехал тогда в храм и сказал, что они погибли».

«Да и я, Дима, вас не узнал. Прошло ни много ни мало – 26 лет».

«Как вы думаете, почему это случилось? – спрашивает Димитрий. – Ведь ехали в храм всё-таки, а не куда-то. Венчаться»!

«Я думаю, что они у Бога в Небесной славе как муж и жена. Ведь Господь принимает и намерение как дело случившееся. Почему так произошло – вам никто не скажет. Это

тайна. Таких тайн множество вокруг».

Когда я отпевал Степана, у гроба сидела в инвалидном кресле вся в чёрном его жена и тихо плакала. В напутственном слове сказал и о том трагическом случае. Конечно, все помнили его. Увлеченный воспоминаниями, переживаниями, я забыл скуфейку и вот жду, когда Димитрий привезет её. И тут мне приходит на память, что в тот трагический темный день общей скорби во время отпевания Татьяны на дому я заметил висящий в углу крест. Тёмный и крепко прижатый к бревну большими гвоздями. После отпевания обращаюсь к родственниками и говорю, что это крест церковный напестольный. Если они пожелают, то могут пожертвовать его в наш храм в память о новопреставленной. Через день кто-то привёз этот крест. Он оказался серебряным и лёгким, пустотелым, собранным из тонких серебряных пластин. Удивило то, что он весь был как бы прокуренным, засаленным. Диакон взялся его чистить, унёс домой, а потом рассказал, что когда разобрал крест, то внутри была какая-то зловонная смола. Склонный к гиперболам и сравнениям диакон предположил:

«Такое впечатление, что внутри собралась многолетняя матерная брань, курево и пары самогона».

Спорить я не стал. Возможно, так и было. Возможно, всё случилось ради того, чтобы вызволить из тягостного плена крест. С тех пор он у нас на престоле в Никольском приделе.

Все водосвятные молебны совершаем с ним.

А вот и Димитрий!

Бежит через двор к храму со скуфейкой, не видит меня. Окликаю его.

«Дима, пойдемте со мной! Кое-что покажу».

Захожу в алтарь, беру крест.

«Этот крест из дома Степана и Татьяны. Тогда после отпевания я попросил его пожертвовать нам».

Я рассказываю о кресте, о диаконе, о том, как чистили крест и как он верой и правдой служит в храме с тех пор.

«Можно я подержу его?» – спрашивает.

Даю крест Димитрию, он берёт его, целует и прижимает к груди. Проходит минута, две.

«Что с вами, Дима»?

«Этот крест я нашёл, когда был ещё пацаном. В нашем разрушенном храме, который потом восстановили и где вы сегодня отпевали Степана. Мне было лет 13–14. Копались с друзьями среди мусора, штукатурки, искали клад. Я сразу понял, что крест можно задорого продать. В Ардатове тогда открылась скупка, называлась «Раритет». Но бабушка Настя как только увидела крест, вцепилась в него: «Внучок, я дам тебе денег. Только крест не продавай!» – Помялся я, подумал и говорю: «Так забирай!»»

Вот она его большими гвоздями, чтобы не утащили, и прибила в углу. А потом я уже и не вспомнил про него».

Забираю крест, целую его и говорю:

«Удивительны судьбы и пути Божии! Кстати, церковь ваша, в развалинах которой вы когда-то нашли крест, названа в честь Николая Чудотворца. И наш придел, где мы сейчас стоим и где на престоле покоится крест, – Никольский. Возможно, в этом и кроется ответ на ваш вопрос, почему тогда произошла эта трагедия. Да и трагедия ли?!»

Провожая Дмитрия до ворот. В песочнице играют малыши и матерятся. Поворачиваюсь:

«Не говорите матерных слов!»

«Не будем!»

Дмитрий протягивает мне руку:

«Хорошо было с вами пообщаться! Но только видите – всё случаи-то какие! А по поводу мата – теперь это повсеместно».

«И это очень плохо, Дмитрий! Мат – это антимолитва, это вольное или невольное призывание демонов. Хотим мы этого или нет. Идет война за человека как создание Божие. Война реальная, когда гибнут люди, и война духовная. Кто знает, может быть, молитва ребёнка отведёт пулю от отца или, наоборот, грязное слово сделает эту пулю неотвратимой. У Бога мелочей не бывает!»

«Не буду спорить, отец Михаил! Ведь когда за так отдал крест бабуле Настене, дня через три купался с пацанами на пруду. А родники там ледовые. Ноги свело до бедер так, что выплыть не было никакой надежды. Захлебываюсь! Кричу пацанам, а они перепугались и бежать. И тут чувствую, что

вода стала как бы плотнее и держит меня, не даёт погрузиться. На руках до берега дотянул, выбрался. Вы правы – мелочей у Бога не бывает. И слово, и дело – в зачёт!»

Суть рождества

Как всё призрачно и мимолетно в потоке времени!

Вспоминаю историю, которая произошла ещё в доковидные времена.

Один мой знакомый, человек богатый и предприимчивый, был приглашён на свадьбу дочери своего друга Димитрия. Ещё более богатого и предприимчивого. Свадьба праздновалась на острове Сицилия. Гости размещались в лучших отелях побережья. Были приглашены артисты из Голливуда. Арендованы для морских салютов и круизов вдоль берега два итальянских эсминца и десять военно-транспортных вертолетов «ченук».

Сколько денег ушло на всё это – даже представить страшно. Вскоре по возвращению в Россию счастливый отец и тесть решил купить новый скоростной катер. Он опробовал его на Волге и Оке, ощутил прелесть всех скоростных режимов, а через день слёг в больницу с жесточайшим воспалением легких. Были подключены лучшие врачи Нижнего, а потом и Москвы. Лечение, как говорят, пошло по худшему сценарию. Спасти его не удалось, хотя он отчаянно боролся за жизнь.

Об исповеди и причастии никто не вспомнил.

Вот и вся история! На похороны собрались почти все, кто был на сказочной свадьбе и помнил нескончаемые фейер-

верки над Средиземным морем. Не буду судить о том, кто и как встретил Димитрия за гробом. Это компетенция иных миров. А вспомнил об этом не случайно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.